

ДЕПОРТАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В 1941-1942 гг.: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Прошло 60 лет со времени одной из самых ужасных трагедий в истории российских немцев – их массовой депортации из мест исконного проживания в Сибирь и Казахстан. Подавляющего большинства жертв этой акции больше нет в живых. Многие из них погибли еще в условиях депортации и ее последствий – «трудармейских» концлагерей, долголетнего режима «спецпоселения». Они так и ушли из жизни обесчещенными, с чудовищным клеймом «фашистских диверсантов и шпионов». Вспоминая о трагедии 60-летней давности, мы в первую очередь чтим сегодня светлую память этих людей.

До недавних пор мы знали о депортации лишь по рассказам наших старших соплеменников. За последнее десятилетие завеса официального умолчания над этой акцией, как и над многими другими страницами истории российских немцев, наконец-то приоткрылась. Опубликованы различные документы о депортации, свидетельства ее уцелевших жертв, эта тема стала предметом исследований историков и политологов. Отозвались и государственные деятели СССР и стран СНГ, приняв ряд законодательных и нормативных актов, направленных, как было заявлено, на восстановление исторической справедливости, безжалостно попранной в результате депортации российских народов. Президент РФ Б. Ельцин, выступая в Федеральном Собрании 24 февраля 1994 г., принес извинения всем гражданам России и их семьям, пострадавшим от депортации, от имени Российской Федерации – «продолжателя бывшего Советского Союза».

Означает ли все это, по крайней мере, что полная правда о депортации российских немцев преступным сталинским режимом уже стала достоянием и их самих, и широких кругов общественности стран бывшего СССР? Едва ли. Воспоминания свидетелей депортации, при всей их значимости, очень редко выходят за рамки простого описания пережитых страданий. Соответствующие официальные документы сталинских времен содержат лишь сухой перечень депортационных «оргмероприятий», а редкие упоминания о мотивах депортации, встречающиеся в них, не заслуживают никакого доверия. На этой основе исследователю крайне сложно пробиться к истине.

Пожалуй, в наибольшей степени это удалось не профессиональным историкам, а незабвенному Герхарду Вольтеру, политологу, публицисту и общественному деятелю, ушедшему из жизни в 1998 г. Он видел эти события воочию, будучи депортирован вместе с семьей из Донбасса в Акмолинскую область в сентябре 1941 г., и собрал по крупицам свидетельства о депортации десятков наших соплеменников. Но главное – в повествовании на эту тему во втором издании своей книги «Зона полного покоя» он тщательно обобщает увиденное и услышанное, дотошно препарирует основные депортационные акты, стремясь сложить из этой информационной мозаики целостную картину, выявить подлинную подоплеку депортации, казалось бы, безнадежно погребенную под грудой многолетней официальной лжи. Для этого были нужны и аналитические способности, и нестандартное мышление, и, я бы сказал, интеллектуальное мужество. Всеми этими качествами Вольтер, в отличие от ряда других авторов, писавших о депортации российских немцев, обладал сполна.

Историки справедливо отмечают, что депортации по этническому признаку – явление, давно известное в истории человечества, и что в ушедшем XX веке правители разных стран прибегали к этой варварской мере особенно часто. Так, говоря о депортации российских немцев в 1941-42 гг., нередко проводят аналогию с предпринятым в те же годы в США выселением японских граждан из западных штатов вглубь страны и тем самым так или иначе подводят читателей к мысли, что ничего экстраординарного с российскими немцами, собственно говоря, не произошло. При этом, правда, обычно забывают отметить, что без вины виноватых американских японцев никто не лишал возможности вернуться в места прежнего проживания многие десятилетия после

завершения Второй мировой войны и что, не в пример российским немцам, им давно и сполна возместили понесенные тогда тяготы. Уже этот пример свидетельствует о том, что за схожими по форме явлениями подобного рода может скрываться весьма разное содержание, которое в первую очередь определяется, конечно же, общественно-политической системой, в рамках которой проводилась та или иная депортация.

Депортация 1941-42 гг., а также остальные депортационные акции в отношении российских немцев и многие другие события в истории нашего народа в немалой мере связаны с взаимоотношениями СССР (России) с Германией. В некоторых случаях (депортации «фольксдойче» и «административных переселенцев», речь о которых пойдет ниже) политика Германии в отношении российских немцев непосредственно повлияла на процедуру их депортации сталинским режимом. И все же историки, на мой взгляд, нередко преувеличивают значимость этого фактора. Не следует забывать, что российские немцы были далеко не единственным объектом депортации в советской истории. Здесь не место вдаваться в сравнения, но нельзя не отметить, что на фоне других подобных акций наша депортация имела гораздо больше общего, нежели отличий.

Ни одно государство в истории не осуществляло столько массовых депортационных акций, как Советское государство за первые три десятилетия своего существования. Уже в 1919 г. выселению подверглась часть терского казачества, проявившая, по мнению властей, нелояльность к советскому режиму. За казаками последовали многие уцелевшие представители привилегированных слоев дореволюционного российского общества, миллионы раскулаченных крестьян, а с 30-х годов – около полутора десятков народов и национальных групп. Лишь после смерти Сталина систематическое натравливание различных народов и групп населения друг на друга сменилось официальными декларациями о неуклонном нарастании единства советского общества и возникновении «новой исторической общности – советского народа», но никакие политические заклинания уже не могли спасти советскую империю от развала.

Чем объясняется такое маниакальное пристрастие властей СССР к депортационным акциям? Чтобы попытаться прояснить этот вопрос, обратимся к истории Советского государства.

Уже через несколько недель после установления большевистского режима население страны недвусмысленно продемонстрировало его нелегитимность, нанеся большевикам сокрушительное поражение на выборах в Учредительное собрание. Совершенно очевидно, что политическая программа новоявленных правителей, нацеленная в первую очередь на «мировую пролетарскую революцию», не могла рассчитывать на массовую поддержку в патриархальной крестьянской стране.

Оказавшись в безысходной конфронтации с большинством ее населения, большевистский режим сразу же приобрел открыто репрессивный характер. Универсальным средством для оправдания своих действий большевики избрали концепцию «коллективной вины», имевшую в первые годы советской власти вполне официальное хождение. Она означала, что для политических репрессий против того или иного лица нет никакой нужды предъявлять ему конкретные обвинения – достаточно уже его принадлежности к определенному «враждебному» классу или группе населения.

В дальнейшем советская история десятилетиями развивалась по однотипному сценарию: объявление врагом той или иной социальной либо национальной группы, затем – ее беспощадное преследование, в результате – очередное обострение общественно-политической ситуации в стране, в качестве реакции – новый виток репрессий и т.д.

При реализации такой, с позволения сказать, политической линии депортационные акции были просто незаменимым средством. Они позволяли без лишних хлопот разрушать налаженные веками социальные связи, надежно подавлять способность людей ко всяким формам сопротивления режиму, без суда и следствия отправлять на глухую периферию (а то и на тот свет) сколько угодно нежелательных, по мнению властей,

«элементов». Народ превращался в бесформенную массу, незащищенную перед любыми социальными «экспериментами» правителей.

Российские немцы попали в число «врагов» сравнительно поздно – в середине 30-х годов (впрочем, до этого в СССР считались враждебными, как правило, не национальные, а социальные группы). Но уже с первых лет советской власти их образ жизни и мышления был для правителей предметом постоянной головной боли. В самом деле, немцы, при всей своей традиционной лояльности к властям, представляли собой относительно зажиточную (по большевистской терминологии – «классово чуждую») группу населения, далеко не горели люмпен-пролетарским желанием «все отнять и поделить», проявляли заметное равнодушие к большевистским лозунгам, упорно придерживались своих религиозных и национальных традиций, явно несовместимых с коммунистической идеологией.

Весьма показательна в этом смысле предыстория формирования немецкой автономии на Волге. Ее появлению предшествовал невиданный доселе подъем политической активности местного немецкого населения, увенчавшийся в апреле 1917 г. созданием первой влиятельной национальной организации – Центрального комитета немцев-колонистов Поволжья. Она преследовала чисто национальные цели и по политическим симпатиям была близка к конституционным демократам (кадетам).

Однако вскоре, в противовес этой «буржуазной» организации, был создан Союз немцев-социалистов Поволжья, для которого близость с «братьями по классу» значила гораздо больше любых национальных целей. В преддверие выборов в Учредительное собрание Союз развернул в молодом национальном движении и вокруг него бурную раскольническую деятельность, стремясь любой ценой воспрепятствовать избранию кандидатов Центрального комитета. При этом социалисты, в сущности, уже тогда продемонстрировали весь «арсенал» тех грязных приемов, которыми по сей день пользуются известные раскольники в рядах нашего национального движения.

Успех социалистов, как и нынешних раскольников, был половинчатым: кандидаты ЦК на выборах не прошли, однако список Союза набрал еще меньше голосов. Через несколько месяцев после прихода большевиков деятельность ЦК была свернута, его газета закрыта, но устранение политического конкурента не пошло на пользу и социалистам: их влияние среди немецкого населения оставалось слишком слабым, а позиция, с точки зрения большевиков, недостаточно «твердокаменной». Поэтому весной 1918 г., когда в Москве решили создать немецкую автономию на Волге, здешних социалистов бесцеремонно отодвинули на вторые роли, а руководить процессом, за отсутствием надежных коммунистов среди российских немцев, поручили немецким и австрийским военнопленным.

К середине 30-х годов большевистская идеология, наконец, проникла и в ряды традиционно аполитичных российских немцев, в местах их компактного проживания возникла доморощенная «национальная» номенклатура. Но в этот период сталинский режим уже принялся практиковать широкомасштабные репрессии по национальному признаку, жертвами которых стали, в частности, многие коммунисты, а заодно и десятки тысяч беспартийных из числа российских немцев. В 1936 г. немецкое население постигла и первая крупная депортационная акция, направленная непосредственно против него: с Волыни (вместе с поляками) были выселены в Северный Казахстан 15 тыс. немцев, а Пулинский немецкий район в Киевской области, на территории которого они издавна проживали, был ликвидирован.

Историки подчас объясняют тогдашние антинемецкие репрессии особой ситуацией среди российских немцев – их стремлением к эмиграции, оказанием им гуманитарной помощи из-за рубежа в условиях голода 1933 г. и т.п. Но эти обстоятельства сами по себе едва ли могли сыграть решающую роль: массовое стремление к эмиграции проявляла лишь одна небольшая группа немецкого населения – меннониты (которых, к примеру, на Волыни в это время не было вовсе), получение зарубежной помощи также не носило

массового характера – в 30-х годах, в отличие от периода голода в начале 20-х годов, власти всемерно пресекали подобные акции.

Гораздо важнее то, что советский режим, в сущности, уже отрекся от прежнего «пролетарского интернационализма», отдав предпочтение жесткому изоляционизму в условиях «социализма в одной стране». В результате в корне изменилась и национальная политика: были ликвидированы все национальные районы и сельсоветы, а в сохранившихся национальных автономиях, в т. ч. в АССР Немцев Поволжья, стала насаждаться всеобъемлющая русификация.

Репрессии по национальному признаку явились наиболее крайним выражением этой политической линии. От них в довоенный период пострадали многие нерусские народы, но самым жестоким преследованиям подверглись национальные группы, имевшие соплеменников за рубежом: поляки, корейцы, финны, греки, иранцы и т. д. Российские немцы были не только крупнейшим, но и наиболее уязвимым среди этих народов – именно Германия представлялась самым вероятным военным противником СССР, несмотря на все попытки политического флирта Сталина и Гитлера.

Таким образом, была подготовлена почва для невиданных массовых депортаций по национальному признаку периода Великой Отечественной войны, когда, наряду с немцами, сталинский режим подверг поголовному выселению из родных мест карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, турок-месхетинцев и ряд других народов.

До сих пор не перевелись любители называть тогдашние акции в отношении российских немцев «превентивными мерами», мотивируя их естественным стремлением властей к обеспечению надежности советского тыла, прежде всего в прифронтовых областях. Не говоря уже о том, что массовая депортация 1941-42 гг., в корне подорвавшая народное хозяйство АССР НП и целого ряда других районов компактного проживания немецкого населения, потребовавшая в труднейших условиях военного времени огромных усилий и затрат, едва ли могла способствовать укреплению тыла, эта концепция плохо вяжется с известными историческими фактами.

Если в основе депортации лежало именно желание перестраховаться на случай дальнейшего продвижения германских войск, то почему немецкое население было выселено не только из прифронтовых областей, но и из большинства регионов европейской части СССР? Если выселение немцев из Поволжья осенью 1941 г. преследовало обеспечение безопасности тыла, то почему немцы Оренбуржья и Башкирии не были депортированы даже год спустя, когда германские войска находились гораздо ближе к местам их проживания, чем в 1941 г. – к территории АССР НП? Если власти так уж опасались российских немцев, то как они могли позволить остаться в Москве(!) после депортации более 1600 немцам и членам их семей?

Чтобы внести определенную ясность в эти вопросы, попытаемся охарактеризовать преобладающие настроения среди российских немцев в канун депортации, используя не разного рода домыслы, а известную на сегодня достоверную информацию. Нет сомнения, что многие немцы относились к сталинскому режиму настороженно, а то и с неприязнью. Это более чем естественно, учитывая все то, что им пришлось пережить в годы советской власти, – экспроприации и продразверстки, неоднократный катастрофический голод, коллективизацию и раскулачивание, варварское разрушение церквей, жестокие политические репрессии. Но разве позиция остального советского населения была иной? Массовая сдача в плен бойцов Красной Армии в первые месяцы войны, радушная встреча оккупантов во многих местах красноречиво свидетельствуют о том, что в тот период население СССР испытывало к сталинскому режиму что угодно, но только не всеобщую любовь.

В то же время мы знаем, что как бы ни относились российские немцы к властям своей страны, они оказывали последним открытое сопротивление лишь в редчайших случаях. Наиболее известны в этом отношении выступления немецкого населения в

период оголтелой продразверстки первых лет советской власти и в ходе раскулачивания. Чтобы подойти к этим событиям с адекватной исторической меркой, нужно, конечно, рассматривать их на фоне того, что происходило в эти периоды на всей территории страны, о чем современные историки, к сожалению, часто забывают. А между тем, в немецких селах не наблюдалось ничего сравнимого ни с «антоновщиной», ни с кровавыми «кулацкими» восстаниями на Дону.

С другой стороны, российские немцы не отличались и привязанностью к Германии, а тем более приверженностью к нацистской идеологии, о которой они имели самое смутное представление. Те из них, кто испытывал повышенные симпатии к Фатерланду (в основном часть верхушечных слоев дореволюционной интеллигенции), в большинстве своем давно уже туда переселились. Советская немецкая интеллигенция была настроена совершенно иначе. Среди нее, как и среди немецкой «номенклатуры», было больше всего ревностных приверженцев советской власти. Таким образом, немецкое население мало чем отличалось в своих настроениях к началу войны от остальных граждан СССР.

Придерживались ли такого же мнения тогдашние советские вожди? Сознавали ли они, что многочисленные «дела» о шпионаже российских немцев в пользу Германии, состряпанные в 1937-38 гг., представляют собой такую же фикцию, как чудовищное измышление депортационного указа о «тысячах и десятках тысяч» диверсантов и шпионов среди немецкого населения Поволжья? Или власти стали пленниками своей собственной лжи?

Важные сведения для ответа на эти непростые вопросы содержат известные на сегодня соответствующие официальные документы того времени, не рассчитанные на широкого читателя. Показательно, что ни в одном из них нет и намека на массу «диверсантов и шпионов» из числа российских немцев. В основном бдительные чекисты сообщали о разного рода «антисоветских измышлениях» и политических сплетнях, которые немцы в отсутствие достоверной информации распространяли точно так же, как и все население СССР.

Единственное заметное исключение представляет собой донесение руководства Южного фронта в Ставку Верховного Командования от 3.08.1941 г., где сообщалось, что на Днестре немецкое население стреляло по отступающим советским частям из окон и огородов и что в одном немецком селе германские войска были встречены 1 августа хлебом-солью. Пожалуй, самое примечательное в этом документе то, что он меньше всего напоминает военное донесение и не содержит почти ничего конкретного – ни дат (за единственным упомянутым исключением), ни точных мест действия, ни обстоятельств, при которых происходили описываемые события, ни источников сообщаемой информации. Вместо всего этого – просьба дать указания местным органам власти о немедленном выселении «ненадежных элементов».

Странный характер донесения несколько проясняется тем обстоятельством, что одним из его авторов был не кто иной, как армейский комиссар 1-го ранга А.И. Запорожец, сменивший на посту главного военного «мифотворца», то бишь начальника Главполитуправления Красной Армии, одиозного Л.З. Мехлиса. В то время Сталин еще доверял Запорожцу, отличившемуся в 30-х годах на поприще разоблачения «врагов народа», а потому собственноручно начертил на донесении: «Надо выселить с треском». Правда, вскоре доверие вождя было утрачено, и карьера Запорожца покатила под откос. Возможно, при этом сыграл свою роль и тот факт, что намеченного Сталиным «треска» организовать не удалось: к этому моменту Приднестровье и его немецкие жители уже находились за пределами досягаемости советских властей.

Изложенное приводит к выводу, что у руководства страны не имелось никаких объективных причин всерьез опасаться враждебных действий со стороны российских немцев. Однако, с другой стороны, не было и достаточных оснований по-прежнему сохранять их в числе советских народов – прежде всего потому, что немцы, вопреки наклеенному на них официальному ярлыку, «советскими» так до конца и не стали.

Существование этого самобытного этноса явно не вписывалось в намеченную властями унификацию и денационализацию советского общества. Не нужна была больше власть имущим и немецкая автономия на Волге, созданная в свое время с прицелом на «пролетарскую революцию» в Германии, а затем и во всей Европе. Надежды на скорую мировую революцию остались в далеком прошлом, теперь Германия была не потенциальным очагом революционного пожара, а ненавистным противником, которого надлежало уничтожить, заодно вырвав с корнем всякие напоминания о нем на советской земле.

В литературе высказывалось мнение, что депортация немцев Поволжья была актом слепой ярости и мести за поражения на фронте в первые месяцы войны. С этим можно было бы согласиться, если бы после завершения войны под депортацией была подведена черта. Но нормальному человеку трудно представить себе «акт слепой ярости», продолжающийся многие десятилетия. Если Сталина и Берия, в силу их происхождения, еще можно заподозрить в приверженности традициям долголетней кровной мести, то могли ли этим руководствоваться сменившие их правители? Между тем, их линия поведения была сразу же определена на многие годы вперед: руководство НКВД еще в начале 1942 г. недвусмысленно сообщило своим низовым структурам, что немцы переселены навсегда и на свои старые места жительства возвращены не будут.

Депортация российских немцев, вызванная глубинными долговременными мотивами, в то же время преследовала конъюнктурные политические и экономические цели. После катастрофических поражений первых месяцев войны сталинский режим особенно остро нуждался в образе мощного «внутреннего врага», на которого советские вожди привыкли взваливать вину за что угодно. С другой стороны, власти отправили на фронт значительную часть дармовой «рабсилы» – неотъемлемого атрибута советской командной системы, включая многих обитателей ГУЛага, а центр тяжести военной экономики в результате потери западных районов страны стремительно перемещался на восток. В этих условиях трудолюбивые безработные российские немцы представляли собой незаменимый «материал» для каторжного труда на азиатских просторах СССР.

Депортация российских немцев в 1941-42 гг. была самой крупномасштабной и продолжительной депортационной акцией по национальному признаку за все годы советской власти. С определенной долей условности ее можно подразделить на 4 этапа.

Первый этап (июнь – август 1941 г.). Уже в день начала войны военным властям было предоставлено право выселять с территорий, где объявлялось военное положение, лиц, признанных «социально опасными». Эта мера затронула и многих российских немцев, особенно на Украине. В начале августа организуется переселение в Коми АССР немцев-трудоселенцев, выселенных в 1932-33 гг. из Украины в Карелию (1200 семей). В августе «эвакуируются» в Орджоникидзевский (Ставропольский) край и Ростовскую обл. крымские немцы (53 тыс.).

Второй этап (3-20 сентября 1941 г.). В это время депортируется в Сибирь и Казахстан немецкое население АССР немцев Поволжья (более 370 тыс.), Саратовской обл. (более 46 тыс.), Сталинградской (Волгоградской) обл. (более 26 тыс.). В результате ликвидируется АССР НП – единственное немецкое национально-территориальное образование, оставшееся на территории СССР. В эти же дни были отправлены в уральские концлагеря многие тысячи немцев-мужчин Украины.

Третий этап (2-я половина сентября – декабрь 1941 г.). За этот период выселяются в Сибирь и Казахстан немецкие жители большинства регионов европейской части СССР, в которых имелось значительное немецкое население и которые не находились под оккупацией: Крымская АССР (2 тыс.), Куйбышевская (Самарская) обл. (более 9,7 тыс.), Днепропетровская обл. (более 3 тыс.), Москва (более 3,4 тыс.), Московская обл. (около 5 тыс.), Ростовская обл. (более 36 тыс., включая 3 тыс. крымских немцев), Краснодарский край (более 35 тыс.), Орджоникидзевский край (более 99 тыс., включая 50 тыс. крымских немцев), Тульская обл. (более 2,7 тыс., включая около 0,4 тыс. немцев-москвичей),

Кабардино-Балкарская АССР (более 5,4 тыс.), Северо-Осетинская АССР (более 2,8 тыс.), Запорожская обл. (более 31 тыс.), Ворошиловградская (Луганская) обл. (около 10 тыс.), Сталинская (Донецкая) обл. (более 35 тыс.), Воронежская обл. (более 5 тыс.), Грузинская ССР (более 20 тыс.), Армянская ССР (более 0,2 тыс.), Азербайджанская ССР (более 25 тыс.), Дагестанская и Чечено-Ингушская АССР (всего более 7,3 тыс.), Горьковская (Нижегородская) обл. (более 3 тыс.), Калмыцкая АССР (около 6 тыс.). Кроме того, в декабре 1941 г. были переселены на восток «антисоветские элементы» из числа немецких жителей Тамбовской, Ивановской, Ярославской, Пензенской, Свердловской областей, Чувашской и Марийской АССР и др. (всего более 1 тыс.).

Четвертый этап (1942 г.). В это время завершаются депортационные акции, начатые или отложенные в 1941 г. Ими было затронуто немецкое население Ленинграда и Ленинградской обл. (всего более 2 тыс.), Краснодарского края (2,7 тыс.), Орджоникидзевского края (1,1 тыс.), Грузинской ССР (0,1 тыс.), Саратовской обл. (0,03 тыс.), Сталинградской обл. (около 0,7 тыс.), Воронежской обл. (0,2 тыс.), Калининской (Тверской) обл. (около 0,3 тыс.), Ворошиловградской обл. (более 2,7 тыс.), Харьковской обл. (более 0,8 тыс.), Ростовской обл.

В целом, без учета повторного переселения депортированных российских немцев, в ходе депортации 1941-42 гг. было выселено свыше 805 тыс. немцев (56,4% немецкого населения СССР по итогам всесоюзной переписи 1939 г.).

Помимо массовости и продолжительности, депортация российских немцев в 1941-42 гг. характеризуется следующими основными особенностями.

1. Депортация осуществлялась на основе разного рода правовых актов (если можно использовать этот термин в отношении документов, носивших вопиюще противоправный характер): Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) № 2056-933 от 26.08.1941 г. «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» (подписано лично И. Сталиным), Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28.08.1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», постановлений Государственного Комитета Оборона СССР, распоряжений Совнаркома СССР, приказов Военных советов соответствующих фронтов. Не считая вышеупомянутого Указа Президиума ВС СССР, все эти документы были строго секретными и не публиковались вплоть до 1990-х годов.

2. Депортационные акты, как правило, не приводили никаких мотивировок предпринимаемых акций. Единственное известное исключение представляет собой опять же упомянутый Указ Президиума ВС СССР, в котором содержались совершенно безосновательные клеветнические утверждения о наличии среди немцев Поволжья «тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов» и об укрывательстве последних остальным местным немецким населением. На этой «основе» Указ мотивировал переселение немецкого населения Поволжья стремлением избежать карательных мер и предупредить кровопролитие, «если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами». В данной связи еще Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29.08.1964 г. констатировал: «Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина».

3. Анализ известных депортационных актов неопровержимо свидетельствует, что походя брошенные чудовищные обвинения, искалечившие судьбы сотен тысяч людей, имели для кремлевских вождей пропагандистское, но отнюдь не практическое значение. Власти не предусмотрели никаких мер по выявлению и задержанию массы «немецких диверсантов и шпионов». Более того, выселение немцев Поволжья ничем существенным не отличалось от депортации остального немецкого населения, хотя против последнего никаких официальных обвинений выдвинуто не было. Эта аналогия подчеркнута и в некоторых депортационных актах (постановления ГКО о выселении немцев из Воронежской обл., Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР, Дагестанской и

Чечено-Ингушской АССР), где имеются ссылки на документы, первоначально касавшиеся только немцев Поволжья, – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935 от 12.09.1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане» и Постановление СНК СССР № 2016-95 от 30.08.1941 г. «Об утверждении инструкции о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников».

4. На базе депортационных актов издавались соответствующие приказы наркома внутренних дел СССР (Л. Берия). Они наглядно демонстрируют, что депортацией российских немцев ведали прежде всего спецслужбы. В приказах предписывался ход депортационных «операций», регламентировались функции структур НКВД по их проведению. Особое внимание обращалось на учет «антисоветского элемента» из числа депортируемых и его арест, предупреждение переселяемых об уголовной ответственности в случае их перехода на «нелегальное положение», арест уклоняющихся от переселения, принятие решительных мер в случае возникновения «волынок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений», необходимость действовать «без шума и паники».

5. Депортация осуществлялась по чисто национальному признаку – ей подвергалось, как правило, все немецкое население соответствующего региона, включая членов семьи ненемецкой национальности, если главой семьи был немец. Правда, жены ненемецкой национальности могли избежать депортации, разведясь с немецкими мужьями. Не выселялись немецкие женщины, находившиеся в браке с ненемецкими мужчинами. В регионах с большим количеством межнациональных браков среди немцев (Москва и др.) в результате депортации нередко происходило разъединение семей, во избежание чего иногда добровольно отправлялись в ссылку вместе с близкими людьми, формально не подлежащими выселению. Эта акция, если она имело место, была необратимой: добровольным изгнанникам, как и немцам, ставился в паспорте штамп о разрешении проживать только в том регионе, куда они направлялись.

6. Для регистрации подлежащих депортации немцев органы НКВД составляли их посемейные учетные карточки. При этом главы семей предупреждались, что они несут ответственность за всех переселяемых членов семьи. Немцам сообщалось о сроке выселения за несколько дней. Их предупреждали о необходимости взять в дорогу запас продовольствия не менее чем на месяц.

7. Депортируемым разрешалось брать с собой бытовое имущество, мелкий хозяйственный инвентарь и деньги. Общий вес вещей не должен был превышать одной тонны на семью. Фактически взять с собой столько багажа, как правило, не представлялось возможным, т. к. в переполненных эшелонах и пароходах его просто негде было разместить. За оставляемые постройки, зерно, фураж и скот депортируемым должны были выдаваться квитанции, которые позволяли им претендовать на соответствующую компенсацию по прибытии на место. В действительности многие не успели получить квитанции, а получившим не удалось ими воспользоваться из-за отсутствия ресурсов на месте.

8. В основном депортируемые немцы перевозились железнодорожным транспортом. Лишь жители Сталинградской обл., Закавказья и некоторых других районов частично транспортировались водным путем – по Каспийскому морю. Типичный эшелон перевозил 2-2,5 тыс. немцев и состоял из 50-60 вагонов, каждый примерно на 40 человек. При этом обычно использовались т.н. пульмановские («телячьи») вагоны, снабженные деревянными нарами. В эшелонах имелись также вагоны для войскового сопровождения и медицинского персонала, вагон-санитолатор и вагон-карцер, где содержались «нарушители порядка». На каждый эшелон выделялся начальник из начсостава войск НКВД, 21 человек караула и оперативный работник «для оперативного обслуживания переселяемых» (проще говоря, для слежки за ними). На сегодня известно о 344 эшелонах, перевозивших депортированных немцев в сентябре-декабре 1941 г. (в т. ч. 188 – из Поволжья).

9. Питание переселяемых предписывалось производить в специально организованных пунктах на крупных станциях: горячую пищу выдавать раз в сутки, кипяток – дважды. В действительности питание было чаще всего организовано их рук вон плохо, что признавалось в документах самих органов НКВД.

10. Транспортировка переселяемых продолжалась до двух недель и более. При этом большинству немцев, выселенных в Новосибирскую обл., Алтайский и Красноярский края, пришлось следовать через юг Казахстана, т.к. Транссибирская магистраль для их перевозки, как правило, не использовалась. Страшная скученность, духота, антисанитарные условия в вагонах, некачественная вода (особенно при следовании по территории Казахстана) приводили к возникновению инфекционных заболеваний и высокой смертности в пути. По официальным данным, в 208 эшелонах, транспортировавших выселенных немцев в сентябре – октябре 1941 г., умерли 169 человек.

11. По прибытии в пункт назначения депортируемых направляли, как правило, в сельскую местность, хотя городских жителей предписывалось расселять в районных центрах и других городах (кроме областных центров). Это сразу же вызвало у многих серьезные проблемы с трудоустройством, тем более, что далеко не все немцы, особенно из Поволжья, в достаточной мере владели русским языком. Первоначально предусматривалась такая форма расселения депортированных, как вселение их целыми колхозами в существующие колхозы и совхозы. На деле это, конечно, было невозможно. Поэтому вскоре местным властям разрешили расселять немцев «группами семей», что приводило к разрыву устоявшихся родственных и соседских связей. Депортированные чаще всего попадали на подселение к местным жителям, в условия, несравнимые с оставленными на родине.

Депортация российских немцев в 1941-42 гг. оставила в судьбе нашего народа трагический, ничем не изгладимый след.

Одним из первых и самых тяжелых последствий депортации стала ликвидация единственного общенационального очага российских немцев – АССР Немцев Поволжья. В сентябре 1941 г., потеряв в результате депортации почти 2/3 своего населения, республика была расчленена, а ее территория включена в состав Саратовской и Сталинградской областей. С тех пор российские немцы сполна ощутили, каково в советских и постсоветских условиях быть народом без территории, без правосубъектности, без собственного культурного и экономического центра. Поэтому вполне закономерно, что во главе угла всех попыток национального возрождения, предпринимавшихся в рамках общественно-политического движения российских немцев, стояло стремление к восстановлению своей национально-территориальной автономии.

Депортация 1941-42 гг. в корне изменила территориальное размещение немецкого населения СССР. В результате ее российские немцы были изгнаны из большинства мест своего традиционного проживания. Перестало существовать громадное количество немецких поселений, в которых более полутора веков формировалась и развивалась самобытная этническая общность российских немцев. Немцы лишились основной части своих исконных очагов культуры, образования, хозяйственной жизни.

Из 805 тыс. депортированных немцев примерно половина (397 тыс.) была направлена в края и области Сибири – Новосибирскую обл. (133,7 тыс., включая нынешние территории Кемеровской и Томской областей), Алтайский край (100,3 тыс.), Омскую обл. (83,9 тыс., включая нынешнюю территорию Тюменской обл.), Красноярский край (78,1 тыс.), Иркутскую обл. (1,2 тыс.), а другая половина (408 тыс.) попала в Казахстан – Акмолинскую (78,3 тыс.), Северо-Казахстанскую (62,5 тыс.), Кустанайскую (58,4 тыс.), Павлодарскую (53,1 тыс.), Семипалатинскую (45,8 тыс.), Восточно-Казахстанскую (29,3 тыс.), Южно-Казахстанскую (24,4 тыс.), Карагандинскую (20,0 тыс.), Актюбинскую (11,6 тыс.), Джамбулскую (10,6 тыс.), Алма-Атинскую (9,1 тыс.), Кызыл-Ординскую (4,8 тыс.) области.

На большей части этих территорий никогда не было ни немецких поселений, ни массового проживания немецкого населения. Если до депортации за Уралом проживало около 10% немцев, то после нее – примерно 90%. Рассеянные по огромной территории азиатской части СССР, немцы не могли иметь возможности этнического самосохранения, даже если бы их не постигли дальнейшие трагические события.

При всем своем драматизме депортация явилась лишь первым этапом национальной катастрофы российских немцев. Не успели российские немцы прийти в себя на местах выселения, как их принялись перебрасывать в другие районы, где условия жизни и труда были, как правило, еще хуже. Особенно широкие масштабы эта практика приобрела в Казахстане, где депортированных переселяли вглубь безжизненных степей, вырывая их из немецких сел, если они там оказались.

Наиболее тяжелые последствия имела повторная депортация выселенных российских немцев из южных районов Сибири на Крайний Север, для использования на рыбных промыслах, повлекшая за собой массовую гибель людей. К концу 1942 г. 23 тыс. немцев были переселены из Красноярского края и 15 тыс. из Омской обл. в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, 9 тыс. – в Якутскую АССР, из Новосибирской обл. в Нарымский округ было отправлено более 20 тыс. человек. Жертвами этой акции стали в основном немецкие женщины, старики, подростки и дети, не попавшие в «трудармию».

С начала 1942 г. в трудармию (по официальной терминологии – «рабочие колонны»), на каторжный труд на лесоповале, стройках, шахтах и промышленных предприятиях, обычно за колючей проволокой, была направлена основная часть российских немцев трудоспособного возраста: сначала депортированные немцы-мужчины, затем немецкие мужчины, не подвергавшиеся депортации, и, наконец, немецкие женщины. Число жертв «трудармии» еще предстоит выяснить. Но уже известно, например, что в Усольяге НКВД/МВД СССР, среднем по величине лагере (7,3 тыс. «трудармейцев» в 1943 г.) на севере Молотовской (Пермской) обл., за время «трудармии» погибли на лесоповале, умерли от голода и болезней более 3,5 тыс. немцев.

По окончании «трудармейской» эпопеи российские немцы еще 10 лет были прикованы к «зонам» спецпоселения, влача жалкое существование под властью произвола и самодурства начальников спецкомендатур.

Автор этих строк, характеризуя положение российских немцев в годы войны, начиная с депортации 1941-42 гг., не раз обосновывал в печати известное мнение, что политику советских властей в отношении нашего народа в этот период невозможно расценить иначе, как геноцид по национальному признаку. Данный вывод основывается на том, что эта политика соответствовала всем признакам геноцида, которые сформулированы в ст. II «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой ООН 9.12.1948 г. и ратифицированной СССР 18.03.1954 г.

Некоторые историки категорически отрицают этот вывод, опираясь лишь на собственные представления о геноциде, даже не упоминая об указанной Конвенции ООН и делая вид, будто никакой общепризнанной правовой квалификации этого преступления не существует. При этом указывается, например, что депортации были подвергнуты не только немцы, но и многие другие народы, что в этот период в СССР существовали миллионы политзаключенных, а использование принудительного труда носило практически всеобщий характер, что в «трудармии» использовались даже казахи, узбеки и киргизы и т.п.

Следуя этой логике, остается только сделать вывод о том, что такого преступления, как геноцид, попросту не было в истории человечества. В самом деле, разве геноцид может быть изолированным явлением, разве существовал когда-нибудь политический режим, который, творя это преступление против одной группы населения, не имел за ее пределами ни политзаключенных, ни принудительного труда? Ведь и в нацистской Германии геноциду подвергались не только евреи, которые обычно упоминаются в этой

связи, но и цыгане, и многие народы на оккупированных территориях, а принудительный труд и политзаключенные были широко распространенными явлениями. Точно так же при сталинском режиме геноцид в различных формах практиковался как против российских немцев, так и в отношении других депортированных народов. Что касается казахов, узбеков и киргизов, то их использование в «трудармии» далеко не носило всеобщего характера, да и условия содержания и труда были у них совсем иными, чем у немцев и ряда других «враждебных» народов – финнов, венгров, румын и др.

Депортация 1941-42 гг. получила продолжение в последние месяцы войны и после ее окончания. Эти акции затронули, в частности, так называемых «фольксдойче», т.е. российских немцев, принявших в оккупации германское гражданство (советские власти, в отличие от германских, обычно относили к «фольксдойче» только тех лиц из этой категории, которые не переселялись на Запад). В 1944 г. часть этих людей, преимущественно женщин и детей, была депортирована из района Кавказских Минеральных Вод и других мест (в целом около 3 тыс.). После занятия Красной Армией Крыма в 1944 г. оттуда было выселено оставшееся немецкое население (более 1 тыс.). В 1945 г. немцы депортировались из Литовской ССР в Таджикскую ССР (около 0,9 тыс.) и из Молдавской ССР в Коми АССР и Молотовскую обл. (более 0,6 тыс.), в 1946 г. – из Закарпатской обл. в Тюменскую обл. (около 2 тыс.).

Особую страницу в истории депортации российских немцев представляет собой эпопея так называемых репатриантов. Речь идет об «административных переселенцах» (в целом более 300 тыс.), т.е. немцах, попавших под оккупацию на западе страны (Белоруссия, Молдавия, Украина, Крым, Северный Кавказ, северо-западные районы РСФСР) и в 1942-44 гг., в преддверие наступления Красной Армии, принудительно вывезенных оккупационными властями на Запад (оккупированная территория Польши, а также Германия). В 1945-46 гг., по настоянию советских властей и при содействии союзников, большинство из них (официальная численность на 1.01.1953 г. – свыше 208 тыс.) были «репатрированы» в СССР, а затем депортированы на восток. Они находились на спецпоселении, как и остальные российские немцы.

После депортации немцы 30 лет практически не имели возможности возвратиться в родные места. Этот запрет был официально снят лишь в конце 1972 г. Да и тогда возвращение оставалось малореальным, наталкиваясь на разнообразные препоны, воздвигаемые местными властями, серьезные экономические трудности, проблемы с жильем и трудоустройством и т.д. В итоге даже в 1989 г. в азиатской части РСФСР еще жило 3/4 ее немецкого населения, а в основных регионах довоенного проживания немцев на территории республики (Ставропольский и Краснодарский края, Саратовская, Волгоградская, Ростовская и Куйбышевская области) – всего 12,5% (в 1939 г. – 64,6%).

Расселение немцев на территории СССР и десятилетия спустя оставалось столь же дисперсным, как после депортации 1941-42 гг. В результате не могли развиваться национальное образование и национальная культура, стремительно нарастала вынужденная ассимиляция немецкого населения, что нашло наиболее наглядное выражение в резком снижении доли немцев, считающих немецкий язык родным (1939 г. – 88,4%, 1959 г. – 75,0%, 1989 г. – 48,8%), а также в увеличении доли межнациональных браков.

В этих условиях российские немцы вполне обоснованно не видели перспектив для своего этнического самосохранения. Чувство безысходности стало преобладающим, когда власти СССР и России практически отказали своему немецкому населению в восстановлении его национально-территориальной автономии. Поэтому, когда у российских немцев в начале 1990-х годов появилась возможность массового выезда в Германию, они не замедлили ею воспользоваться.

Таким образом, и в начале XXI века положение немцев на территории бывшего СССР все еще во многом определяется последствиями депортации 1941-42 гг. Власти СССР и его стран-наследниц почти ничего не сделали, чтобы искупить неизгладимую

вину советского режима перед российскими немцами. До сих пор не отменены даже многие правовые акты, предопределившие депортацию российских немцев (постановления СНК и ЦК ВКП(б), приказы Военных советов ряда фронтов и др.). Что уж говорить о реальном преодолении ее последствий!

Пожалуй, единственное, о чем в этом смысле можно упомянуть, – это выплата властями России компенсаций за дома и имущество, которых лишились немцы в результате депортации. Но данные суммы настолько мизерны по сравнению с реальной величиной материальных потерь, что на этом фоне выглядит поистине карикатурно кипучая активность российских властей вокруг выплаты весомых компенсаций, обещанных недавно Германией жителям России и других стран Восточной Европы, которые были депортированы нацистами и использовались ими в качестве «остарбайтеров». Установление властями Германии этих компенсаций достойно признания, однако очевидно, что право голоса в таком вопросе могут иметь представители только тех государств, которые не на словах, а на деле желают и способны решать аналогичные проблемы, доставшиеся им в наследство от предшественников.

Но оставим эту тему для другого раза. День национальной скорби – не время для всесторонней оценки деятельности власти имущих. Думаю, что 28 августа российские немцы будут меньше всего обращаться мыслями к каким-либо властям. Мы вспомним в этот день о близких нам людях, жертвах депортации, – как о тех, кого уже нет, так и о тех, которые тоже будут отмечать эту дату.

Вспомним о российских немцах, которые пережили депортацию и нашли в себе силы поведать нам о том, как это было. Вспомним о нашем известном писателе Викторе Клейне, умершем в 1975 г., который одним из первых осмелился написать о депортации немцев Поволжья и оставил волнующий рассказ на эту тему – «Последний могильный холм». Вспомним об одном из лучших наших поэтов, скончавшемся в 1997 г. Вольдемаре Гердте, который описал депортацию из Поволжья в своей незабываемой поэме «Волга, колыбель наших надежд». Вспомним о другом нашем замечательном поэте, безвременно ушедшем в 1994 г. Викторе Шнитке, который сам едва ли помнил депортацию (он стал ее свидетелем в Энгельсе в 1941 г., но ему было тогда всего четыре года), однако сумел рассказать об этой трагедии так просто и в то же время зримо, как не удавалось, пожалуй, еще никому:

Wenn, fremd im Dorf meiner Väter,
ich stumm unsren Hof passiere
und das blonde Mädchen am Brunnen
mir folgt mit ahnendem Auge,
möchte ich sagen:
Du,
ich will dir alles erzählen.

Großvater lag im Sterben
und konnte den Tod nicht finden.
Wir hockten auf Sack und Bündel.
Der Karren stand vor dem Haus.

Großvater stammelte:
Laßt mich –
liegen. Ich werd's schon schaffen.
Macht euch nun auf.
Sie werden –
euch holen.
Dann kommt's noch ärger...
Wir betteten ihn auf den Wagen,

zu Füßen die Sachen. Dann ging es
hinaus aus dem Dorf. Die Hitze
lastete schwer auf dem Weg.

Großvater blieb die Mühsal
erspart. Die heimische Steppe
behält ihn für sich. Wir zogen
grimmig ins schwarze Nichts.

Август 2001 г.